

ГАЛИНА ОРЕХАНОВА

БЕЗ РУССКОГО ТЕАТРА РОССИЯ НЕМЫСЛИМА

*Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдаёт
На борьбу за брата, человека,
Только тот себя переживёт.*

Н. Некрасов

Сенсационное сообщение под заголовком “Доронина возвращается во МХАТ” опубликовали чуть ли не все печатные издания страны, сообщая радостную новость о том, что Министерство культуры РФ утвердило устав коллектива МХАТ им. М. Горького, который определил руководящие полномочия президента театра народной артистки СССР Т. В. Дорониной. Президент – также глава художественного совета МХАТ им. М. Горького. Для руководства хозяйственной и административной деятельностью театра устав ввёл должность директора, который вместе с президентом Т. В. Дорониной назначает художественного руководителя, также утверждаемого Министерством культуры РФ.

Казалось, меняется, наконец, нездоровое положение в театре, которое сложилось после 4 декабря 2018 года по указу министра культуры Мединского о замене Дорониной на посту художественного руководителя театра на Боякова Э. В., когда волей Мединского Доронина оказалась лишённой всех прав по руководству театром, несмотря на провозглашение её президентом. Бояков за два с небольшим года волонтаристского правления ликвидировал все выдающиеся спектакли, составлявшие славу театра Дорониной, заменив истинные шедевры на скороспелые примитивные поделки, призванные обмануть зрителя: идущие сегодня на Тверском в Москве новые спектакли “Вишнёвый сад”, “Три сестры”, “Лес” ничего общего с постановками Дорониной не имеют, утверждают на прославленной сцене пошлость, отсутствие художественности, моральную грязь. Бояков осмелился даже вмешаться в режиссуру спектакля “Синяя птица” К. С. Станиславского и поставил на афише своё имя как режиссёра.

Кто ответит за чудовищные потери, понесённые МХАТом за два года правления “успешного менеджера”? Почему под прикрытием правительства совершаются акции тотального разрушения канона русского реалистического театра? И на каком основании после опубликования Министерством культуры нового устава тут же принимается без согласования с президентом Т. В. Дорониной решение о продлении срока работы в должности художественного руководителя на 5 лет всё того же Э. В. Боякова? Понятие “порядочность” в органах власти теперь уже полностью изъято?

Сегодня чуткое сердце России с тревогой следит за тем, куда направлено развитие культурной жизни страны, её театров, которые в лучших своих

проявлениях стараются противостоять деградации и разложению. И здесь нельзя не обратиться к опыту борьбы за русский реалистический театр Татьяны Васильевны Дорониной. Она, великая русская актриса, ведёт эту борьбу уже более 30 лет, и сегодня как никогда важно говорить об истоках этой борьбы, вспомнить те условия, в которых она отстаивала традиции Станиславского и сохранила МХАТ им. М. Горького.

Конец второго тысячелетия всё более рельефно обозначал тенденцию к разрушению великих завоеваний национальной культуры, и проблемы эти стали знаменем времени. В конце 80-х годов XX века был нанесён жестокий удар по русской культуре: великий русский театр МХАТ СССР им. М. Горького был разорван надвое и перестал существовать как единое неделимое совершенное явление.

В то время значительная часть интеллигенции, на мудрость и прозорливость которой рассчитывали люди, не оправдывала надежд, стараясь приспособиться к новым временам победившей “демократии”, и предпочитала отсиживаться в сторонке, не желая афишировать свою нелояльность к новой “демократической” власти выступлением в оппозиционных изданиях.

В начале 90-х дошло до того, что многие народные артисты СССР вообще отказывались от высочайшего народного звания в угоду политической конъюнктуре, и только разобравшись, что звание “Народный артист СССР” остаётся в сознании народа наивысшим критерием профессиональной значимости художника, стали возвращать себе отброшенный было титул.

Народная артистка СССР Татьяна Васильевна Доронина не скрывала своих убеждений, с гордостью носила высокое звание.

12 сентября 1993 года – юбилейная дата в её жизни. В моих архивах сохранилось большое интервью Дорониной “Советской России”, корреспондентом которой я работала. Газета хорошо понимала, какого масштаба художника приглашает к выступлению. Работы Дорониной (“Старшая сестра”, “Ещё раз про любовь”, “Мачеха”, “Три тополя на Плющихе”) были уникальны. Каждый образ, созданный актрисой на сцене театра – будь то Софья в “Горе от ума” или Настасья Филипповна из “Идиота” Достоевского, Маша из “Трёх сестёр” Чехова или Надежда Монахова из “Варваров” Горького, – также потрясали зрителей своей неповторимостью. Уникальная актриса обогащала искусство драмы новым пониманием характеров персонажей, расширяла диапазон возможных исследований человеческой природы, каждая новая роль её становилась художественным открытием. Более того, эти роли были признаны шедеврами, стали предметом изучения в учебниках по сценическому искусству. Имя актрисы гремело, люди встречали её восторженно. Когда в Москве она играла в спектакле “Дульсинья Тобосская” во МХАТ СССР им. М. Горького или в театре имени Маяковского – “Да здравствует королева! Виват!” – вокруг театров собирались такие толпы почитателей таланта актрисы, что не обходилось без конной милиции.

Особым явлением в духовной жизни страны 60-х были поэтические вечера Дорониной, проходившие в зале имени П. И. Чайковского.

О чём говорить с Дорониной? Масштаб личности актрисы завораживал. Изучение репертуара МХАТа им. М. Горького обнаруживает пристрастный интерес к мхатовским авторам – М. Горькому, А. Чехову, А. Толстому, А. Островскому, М. Булгакову... Огромное внимание к классике, наличие в репертуаре новинок современной зарубежной, а также отечественной литературы, более того – разнообразная современная режиссура (Р. Виктук, Б. Покровский, С. Данченко, С. Кургинян, А. Борисов, поставивший прогремевший спектакль “Прощание с Матёрой” по повести В. Распутина) – всё свидетельствовало, что МХАТ им. М. Горького – интеллектуально насыщенная, духовно богатая, современная по интересам область театральной жизни.

Я тщательно готовилась к встрече с актрисой. Перед внутренним взором проплывали образы прекрасных див мирового кино, хорошо знакомых советскому зрителю тех лет: Сильвана Пампанини, Джина Лоллобриджида, Софи Лорен, Даниэль Дарье, Джульетта Мазина, ослепительная американская “звезда” Элизабет Тейлор, прелестная англичанка Вивьен Ли. Вспомнилась и обворожительная Мэрилин Монро, которую молва нарекла “русской Дорониной”. Однако резкая отповедь Татьяны Васильевны по этому поводу: “Я – русская актриса. И задачи в искусстве у нас разные”, – напомнила о себе.

Феномен русской актрисы Татьяны Дорониной состоит в том, что она не только не потерялась на фоне плеяды фантастически прекрасных мировых красавиц, в окружении которых судьба предложила ей войти в мир искусства. Напротив, она сразу выделилась из общего ряда, заняла особую нишу, которую русская актриса не просто заполнила магической силой неповторимого обаяния. Она осветила театральный мир редким светом исключительности, который заставил зрителя увидеть необыкновенную силу русского национального характера в недюжинном таланте.

...И вот он, порог МХАТа им. М. Горького. Поднявшись по ступеням крыльца, я открыла дверь служебного входа. Дежурная, сидящая за столом напротив, сказала, что Татьяна Васильевна в театре. “Поднимайтесь на пятый этаж, – приветливо кивнула она, – Доронина ждёт вас”. Дежурная провела меня к лифту, и, повторив: “На пятый!” – ещё раз улыбнулась. Невольно подумалось: какая доброжелательная атмосфера царит в театре!

В приёмной Дорониной ничего не было. Заглянув в открытую дверь кабинета, увидела: прямо перед входом, на фоне красивых деревянных стеллажей с книгами, Доронина сидела за массивным, старинным письменным столом. Татьяна Васильевна подняла глаза и очень приветливо произнесла:

“О, здравствуйте, входите, пожалуйста!” Она рукой указала на старинное кресло, обитое тёмно-красным бархатом, стоящее возле изящного круглого столика впритык к рабочему столу, за которым сидела сама. *“Присаживайтесь, прошу вас!”* – повторила Татьяна Васильевна, уловив моё смущение. Она была одета в белый полотняный пиджак английского покроя, из-под которого виднелась лёгкая блуза нежно-розового цвета, с длинной ниткой крупного жемчуга. Причёсана актриса была строго, волосы затянуты гладко и скреплены сзади причудливым узлом. Чрезвычайно выразительное лицо: огромные, словно бездонные озёра, умные, пытливые глаза, нежный овал лица, лучистая, розоватая кожа и чуть вздёрнутый, милый изящный носик. Великолепный, роскошный рот сверкал в улыбке ровным рядом зубов. И улыбка, обворожительная улыбка, не сходила с её лица.

Актриса светилась добротой и излучала всепобеждающую женственность. Разговор начался живо, с первых же слов увлекая собеседниц значимостью поднятых проблем.

– Что сейчас главное для театра, в непростое наше время, которое называют “лихие 90-е”? Почему МХАТ им. М. Горького, имея такой богатый репертуар, который освещает все стороны современной жизни, находится в опале? Кто организует опалу, с какой целью? – задаю свой первый вопрос, и в ответ встречаю готовность говорить о становлении и жизни МХАТ им. М. Горького в создавшихся условиях борьбы театра за своё, только ему присущее лицо.

– *Спасибо, что не прячете голову в песок и выбрали “разговор начистоту”,* – отвечает Татьяна Васильевна. – *Сейчас не многие осмеливаются говорить открыто. Кажется, это было совсем недавно, я работала одновременно в четырёх театрах и была вполне счастлива. Публика устраивала мне овации, дарила цветы и выражала свои восторги... Сейчас, после того, как я возглавила театр, не проходит дня, чтобы кто-то не огорошил меня и наш театр какой-либо оскорбительной выходкой...*

Татьяна Васильевна берёт сигарету и, завопившись с зажигалкой, даёт возможность осмотреться в её кабинете. За её спиной – огромный портрет Георгия Александровича Товстоногова, установленный в книжном шкафу, а также, наравне с великолепно изданными книгами по искусству, большие фотопортреты Сергея Есенина и Игоря Талькова. Прямо напротив, над входной дверью, высоко, под потолком, висят большие портреты основоположников Московского Художественного театра Владимира Ивановича Немировича-Данченко и Константина Сергеевича Станиславского.

...Представляется, как она подходит к окнам, задрапированным тёмно-синими занавесками, и, глядя на улицу, видит Тверской бульвар и дальше – дом-музей Марии Николаевны Ермоловой, что стоит прямо напротив театра. Это обстоятельство невольно вызывает мысль о многозначительной “переключке” двух великих художников русской сцены и, находясь в этом кабинете, невольно начинаешь думать о неслучайности этого соседства.

Эскизы декораций, с любовью расставленные в кабинете Дорониной, принадлежат кисти театрального художника Владимира Глебовича Серебровского,

в истории русского современного искусства уже давно занимающего особое место.

— Вы говорите, “непростое наше время”? — отложив сигарету, вернулась к своему рассказу Татьяна Васильевна. — Не существовало ничего лучше и сильнее нашего отечественного театра, когда мы жили в СССР. Театр был привилегией в нашей стране. Другие страны, другие государства существуют иначе. Но! Наступило нынешнее время. И начались непредвиденные метаморфозы.

В последние десять лет не только не признаётся то, что сделано мной в эти годы (в 1981 году мне присвоено звание народной артистки СССР за достижения в искусстве), но теперь вычёркивается всё, что было создано мной в русском искусстве и, так или иначе, вошло в историю советского театра. Это даёт мне основание полагать, что осуществляется целенаправленное уничтожение не только меня как актрисы — всё это имеет отношение к тому, что называется “нелюбовью к Отечеству!” Я живу с ощущением, что меня постоянно подстерегает опасность. Будто вижу, что иду по Тверскому бульвару. Вдруг на меня набрасывается банда, сбивает на землю, избивает ногами. А мимо идут люди, они хорошо меня знают, но не останавливается никто! Никто не бросается защитить меня.

Татьяна Васильевна глубоко затягивается дымом от сигареты, но не останавливает свой рассказ:

— Я не хочу сказать, что называю себя определяющим знаком Отечества. Но в какой-то мере, я, русская актриса, этим знаком являюсь, и не только потому, что мне удалось привнести некоторые открытия в интерпретации ролей классического русского репертуара.

И вспомнилось, что, когда труппа советских артистов русского театра БДТ была на гастролях в Лондоне, великий Лоуренс Оливье подарил Дорониной перстень в знак признания её мастерства, словно обручился с нею, как с равным партнёром. По ходу её рассказа о том, в какой атмосфере сегодня приходится жить и работать театру, росло понимание, какую боль испытывает великая актриса в незатихающей атмосфере травли.

— Что же должно произойти, чтобы, наконец, оставили в покое русский театр его ненавистники?

Доронина, отвечает убеждённо, потому что давно продумала этот вопрос:

— Только опора на веками взращённые Православием традиции отечественной культуры даст силы народу России вырваться из плена кризиса, которым поражена сегодня наша страна.

— Татьяна Васильевна! Многие удивляются, наблюдая за вашей самоотверженной борьбой за русский театр, откуда в вас такая убеждённость в своей правоте, откуда стойкость?

— Дорогая Галина Александровна! — Доронина горько улыбнулась. — Из блокадного Ленинграда нас эвакуировали в деревню, откуда родом мои родители. Я видела, как тяжела была жизнь в деревне, с какой самоотдачей мама и сестра тётя Лиза вела хозяйство, воспитывала троих малых детей, да ещё я с большой ногой. Полное самоотречение во имя ближнего, и — неизбывная доброта — эта жизнь — подвиг, и он естественен для русского человека. Я видела этот подвиг изо дня в день и хорошо поняла, какой мой народ. И поняла, как надо жить. Я благодарна им, моим деревенским родным, за эту науку жизни. Благодарна своей первой учительнице Валентине Васильевне — она познакомила меня с творчеством поэта Константина Симонова, и я читала его стихи в рабочем клубе. Война формировала нас жестоко, быстро и безжалостно. Она учила нас ценить всё, что казалось прежде таким естественным, — спокойное небо над головой, отца и мать, кусок хлеба, тёплую одежду, целую, не залапанную со всех сторон обувь. В дни войны чудо настоящей литературы начинало раскрываться так, как оно должно раскрываться, — праздником, познанием прекрасного, открытием.

“Так вот где таится сердцевина, вот какие силы питают талант Татьяны Дорониной, — сам собой напрашивался вывод. — Образы, созданные ею в искусстве, понятны и дороги людям, потому что она сама — плоть от плоти народа. Особенно очевидно это сейчас, на изломе веков, когда попираются не только традиционные устои морали, но и само достоинство России. А народные героини Дорониной дают пример духовной силы, и уже трудно отделить образы, созданные актрисой, от её личности. Вот почему люди тянутся к ней как к символу русской судьбы”.

— И всё-таки, Татьяна Васильевна, почему с такой ненавистью воспринято Ваше назначение на должность художественного руководителя-директора МХАТ имени М. Горького? Чем вызвано постыдное поветрие вполне благообразных с виду, заметим, образованных людей, заявляющих: “Я в этот театр не хожу?” И не ходят ведь, и яркие творческие победы театра “не замечают” вследствие заговора молчания.

— Когда во время войны, в деревне, я ходила в дырявых сапогах, когда ела картошку с чёрным хлебом и вместо сахара — вяленую свёклу, у меня не было ощущения, что меня кто-то унижает, что со мной не считаются и меня хотят уничтожить. Сегодня у меня есть ощущение, что меня унижают сознательно, оскорбляют моё человеческое достоинство, стараются не замечать то, что я делаю на профессиональном уровне. Это позволяют себе взрослые дяди и легкомысленные тётки, отнюдь не значимые профессионально; это — позволено, введено в принцип по отношению к людям профессиональным, которые держат внутри себя божеское, существуют по правилам Православия. Позволять, чтобы унижали тебя самого, — нельзя! Как можно противостоять? Очень точно существуя в своём деле, в своей профессии. И в этом надо быть честным.

Я была ошеломлена. Слишком непостижимой, постыдной и страшной была ситуация, о которой рассказывала Доронина. Но это была реальность, живая явь её жизни. Стойкость Татьяны Васильевны, её чувство собственного достоинства вызвали искреннее восхищение. Ведь Доронина не только отстаивала своё право на профессию, но и отважно бросала вызов зарвавшейся фрондирующей интеллигенции.

Именно поэтому в те времена многие и ополчились на Доронину, не одобряя её стойкости и упорства в борьбе, её альтруизма, не принимая того, с какой страстью боролась она за своё достоинство русской актрисы и верность профессии. Собственно, тогда и поползли слухи о невыносимом характере Дорониной, её вздорности. . .

Да, Татьяна Васильевна Доронина — человек страстный, бескомпромиссный, творец с могучим темпераментом, человек сильного характера. Когда она встречается с бесчестьем, ложью, когда видит, что кто-то мирится с несправедливостью и не хочет и пальцем пошевелить, чтобы тратить себя на борьбу с непотребством, она презирает такого человека, она ненавидит трусость, ложь, предательство, приспособленчество, — словом, “мерзости жизни”. И бывает страшной во гневе. Но как часто человек, попавший под её горячую руку, приходит к ней после ссоры со словами раскаяния, осознав свою неправоту! . . . И в этом случае примирение бывает равным катарсису.

В этом первом её “разговоре начистоту” с корреспондентом “Советской России” Доронина не могла не вспомнить о “школе” Георгия Александровича Товстоногова. Её вместе с мужем Олегом Басилашвили, едва начавших свою сценическую жизнь в театре имени Ленинского комсомола в Ленинграде, пригласил в БДТ режиссёр, имя которого гремело на весь мир. Блистательно сыграв на сцене театра Ленинского комсомола свою первую роль Женьки Шульженко в пьесе “Фабричная девчонка”, Доронина стала не только знаменитой, но показала, что умеет работать. Г. А. Товстоногов предложил молодым артистам тяжёлый, созидательный труд в БДТ. Они приняли предложение мастера.

— Я считаю огромной удачей своей жизни приход к Георгию Александровичу Товстоногову, — подчеркнула Доронина. — Когда мне позвонила Дина Морисовна Шварц, завлит БДТ, и от имени Товстоногова пригласила на собеседование к мастеру, я летела по городу, как на крыльях. Георгий Александрович принял меня доброжелательно, сказал, что собирается ставить пьесу М. Горького “Варвары” и хотел бы, чтобы я попробовала сыграть роль Надежды Монаховой. Нравится ли мне это предложение? — спросил меня Георгий Александрович. Понятно, что я с радостью согласилась. Вскоре начались репетиции спектакля “Варвары”. Я с головой ушла в изучение роли, характера, натуры горьковской героини. Работала с увлечением.

Она попала не только в атмосферу высокого творческого накала, но и в окружение великолепных мастеров. Её партнёрами были Е. Копелян, В. Стрельчик, Е. Лебедев, О. Борисов, П. Луспекаев, О. Басилашвили, позже — И. Смоктуновский — имена, которые безусловны на драматической сцене.

— Г. А. Товстоногов выстраивал этот творческий ансамбль, — продолжала Доронина, — и давал мне возможность играть в таком гигантском диапазоне,

который, по сути, не имел аналогов. Способность в одинаковой степени существовать и в драме, и в трагедии, и в бытовом жанре, и в комедии – это результат великолепной школы-студии МХАТ и направленной самостоятельной работы. Я находилась в идеальных для актёра условиях и обязана была выдавать этот результат. И я добросовестно стремилась реализовать то, что дали мне Господь Бог и судьба”.

Товстоногов дорожил её участием в спектакле “Варвары”, над которым работал с большим увлечением. А Доронина ценила тот уровень общения, когда мастер делился с ней своими поисками в области философского постижения творчества Горького. Это было время, когда поднялась грязная волна нападков фрондирующего мещанства на мудрейшего русского художника, бескорыстного общественного деятеля, так много сделавшего для писателей и деятелей культуры. Товстоногов умел противостоять фронде, открыто декларировал, что видел в Горьком не только талантливейшего драматурга, но и мужественного провидца, смелого борца за истину.

“Когда я приступил к работе над “Варварами”, – писал в те годы Товстоногов, – я впервые со всей очевидностью ощутил то, что мне хочется определить словом “глубистость”. Горький мыслит философскими категориями огромного масштаба, он поднимает проблемы, вечные для человечества, – он призывает к гуманизму и безжалостно препарирует такие явления, как варварство, мещанство, духовный паразитизм...”.

Отношение к Горькому как могучей фигуре мировой культуры Доронина разделяла с Товстоноговым в полной мере и хранила верность ему на протяжении всей своей творческой жизни. Особенно важным для неё это стало, когда Т. В. Доронина возглавила МХАТ им. М. Горького как художественный руководитель-директор этого театра. Когда она заговорила о разделении МХАТа, то вся фигура её напряглась, и было видно, что и сейчас сердце её страдает:

– *Министерство культуры СССР это разделение оформило, – жёстко сказала Татьяна Васильевна. Потом немного помолчала, задумавшись, продолжила с каким-то ожесточением: – Разрезали театр по живому, операция была произведена без наркоза. Страшно, бесчеловечно расправились с уникальным русским театром, и никто ещё не представил список погибших в результате этого разделения. А этот список русских актёров велик. Умерли самые талантливые, самые совестливые и остро чувствующие художники...*

Она замолчала. Её визави вся сжалась в комок, настолько сильное впечатление произвели на неё слова Дорониной. Она остро почувствовала трагизм того, что переживала актриса, поняла, что драма разрушения великого театра ещё далеко не окончена. А Татьяна Васильевна прямо посмотрела в глаза её и с напряжением озвучила главную мысль, которая не давала ей покоя: “Разрушение единого организма МХАТа – это начало уничтожения отечественной культуры”.

Какое-то время они сидели молча. За окном сгустились сумерки. Наконец, Татьяна Васильевна сказала: “На этом можем закончить нашу встречу сегодня. Спасибо”. Они попрощались.

Всю ночь я готовила текст интервью к публикации, вновь переживая события, о которых так откровенно рассказала Доронина, и, наконец, в полной мере осознавая масштаб трагедии, в которую ввергнут русский театр. Утром, получив “добро” на публикацию главного редактора, я отправилась к Дорониной за визой. Татьяна Васильевна приняла меня приветливо, быстро прочитала материал, подписала. Его публикация была воспринята восторженно.

Для Татьяны Дорониной понятие “русский реалистический театр” – это синоним содержания её жизни. И каждый раз, подтверждая это, она, не раз доказавшая миру своими работами в искусстве жизнеспособность мечты о предназначении драматического театра – просвещать, раскрывать природу человека, а значит, совершенствовать его – убедительно доказывает, что её приверженность заветам К. Станиславского – не прихоть, а убеждение, что жизнестойкость его учения безупречна, более того – необходима как воздух человеку дня сегодняшнего. Современный театр потерял силу своего влияния на развитие общества, потому что своими легкомысленными экспериментами деградировал, потерял своё высшее назначение – вести людей за собой к высотам мировой культуры. Театр как никогда остро нуждается в искусстве, каким видели его создатели Художественного театра, а именно – в способности влиять на духовный рост человека, развивать в людях

XXI века потребность совершенствования своей личности во славу добра и сострадания к человеку живой души.

История борьбы Татьяны Васильевны Дорониной за возрождение истинного искусства Художественного театра, которую вела она неуклонно более 30 лет, — показательна и поучительна.

С первых шагов по восстановлению МХАТ им. М. Горького Доронина утверждала мысль: на сцене должны вновь зазвучать спектакли легендарного Московского Художественного театра как эталон, в той редакции, как они были созданы основоположниками. Они нужны современному обществу как школа воспитания нравственности, как потребность духовного роста.

Т. В. Доронина начала с того, что взяла на себя титанический труд восстановления по режиссёрским тетрадям К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко знаковых спектаклей Художественного театра — “На дне”, “Три сестры”, “Вишнёвый сад”, “Синяя птица”. И всё было выполнено в первые два года жизни МХАТ им. М. Горького под её руководством.

Почему рассказ о подвижнической деятельности Дорониной по восстановлению МХАТ им. М. Горького необходимо было начинать с интервью, в котором от первого лица рассказана драма крушения искусства театра? Да потому, что в нём вскрыта трагедия нравственного падения общества, в котором стало позволённым бесчинство фрондирующей “элиты”, поставившей цель разрушить высшие достижения культуры своего народа, более того — мира! Какое здоровое, уважающее себя государство могло позволить тотальную травлю художника, все силы таланта своего отдающего духовному воспитанию гуманного человека? Это стало возможным только тогда, когда страна потеряла суверенитет и с ним нравственную опору, без которой не удержалась в своей национальной значимости и покатила в болото приспособленчества, поражённая вирусом деградации.

Будучи избранной художественным руководителем-директором МХАТ им. М. Горького в октябре 1987 года, Т. В. Дорониной пришлось пройти тяжелейший путь становления театра. В её активе были высшие режиссёрские курсы, но опыт предстояло нарабатывать. Став у руководства, она обратилась к ряду известных режиссёров, чтобы они осуществили первые постановки в возрождающемся театре. Однако силами той самой “элиты” новой демократической России режиссёры подверглись такому давлению, что не выдержали нападков, травли, запугивания, порвали договорённости с Дорониной и бежали. И всё же оставались ещё в стране люди, кто сохранил личное достоинство, уважение к себе, порядочность в общении с коллегами. Они сдержали слово, данное Дорониной. Первым, несмотря на травлю, осуществил постановку на сцене МХАТ им. М. Горького Роман Григорьевич Виктюк. Он создал уникальный спектакль “Старая актриса на роль жены Достоевского” по пьесе Э. Радзинского с Т. Дорониной в главной роли. Этот спектакль, рассказавший о драме гибели МХАТ СССР, прожил на сцене более 30 лет. И когда Доронина играла 30-й по счёту, юбилейный спектакль, стечение публики было таковым, что люди стояли вдоль всего Тверского бульвара и спрашивали лишний билетик. Таких аншлагов не видывали никакие премьеры модных современных “раскрученных” поделок! Истинно театральная публика выразила своё отношение к творческим достижениям великой русской актрисы, оценила по достоинству значение личности Дорониной как творца. “Элита” не сдалась, постаралась не “заметить” успеха МХАТ им. М. Горького как театра, набирающего творческий потенциал, и продолжала травлю великой актрисы. Сама же Т. В. Доронина никогда не забывает подчеркнуть уникальность спектакля Виктюка, сумевшего заложить в него созидательную энергию большой творческой силы. Виктюк ввёл в спектакль фасад исторического здания МХАТ в Камергерском переулке как действующее лицо, превратив его в символ великого русского театра, художественный образ которого по воле режиссёра действует как “партнёр” главной героини. В спектакле звучит острейшая тема современности о необходимости борьбы за самобытное суверенное культурное государство.

Каждый раз после спектакля “Старая актриса на роль жены Достоевского”, когда актриса долго “отходит” от сковавшего всё её существо напряжения, она повторяет: *“У нас страшная профессия, которая требует огромных затрат. На технике в русском театре не проработать. Это не западный театр, здесь работаешь только на “нерве”.* Этот спектакль затронул самые оголён-

ные струны личной судьбы Дорониной. *“Роль в этом спектакле далась мне чрезвычайно трудно, — не раз подчёркивала актриса. — Потому что ситуация, в которой она рождалась, была страшной. Мы никак не могли осознать, за что нас не пустили в собственный дом? Мы все закончили школу-студию МХАТ. У нас были общие замечательные учителя, которые нас хорошо обучили, и не только профессии, но и отношению к делу. Они дали нам точную направленность: если хочешь профессионально состояться, как бы ни было тебе трудно, — будь честен и не продавай себя конъюнктуре, потому что тогда ты продаёшь самое дорогое и единственное, чем ты ценен, — твою способность выводить зрительный зал на твоё мироощущение и на самое главное для тебя. Сегодня главное — устоять против рынка, где продаётся человек. А это — бой. И в этом бою ты мобилизуешь зрительный зал, чтобы люди, пришедшие сюда, вместе с тобой отстояли в этом бою право оставаться человеком”.*

По сути, в этих словах Дорониной содержится её манифест, истинное понимание своего назначения в искусстве. Великая русская актриса ни разу не изменила своему убеждению.

Сегодня, когда по злой воле получившего право бесчинствовать неопфита уничтожен выдающийся спектакль народного артиста СССР С. В. Данченко, руководившего в своё время киевским театром им. Ивана Франко и поставившего на сцене возрождённого МХАТ им. М. Горького *“Вишнёвый сад”* А. П. Чехова с Татьяной Дорониной в роли Раневской, нелишне напомнить, как развивались события. Несведущему человеку, который не следил за развитием драмы борьбы за русский театр, напомним: Т. Доронина приступила к работе как руководитель МХАТ им. М. Горького 1 октября 1987 года, а уже 3 ноября 1987 года театр играл первую премьеру — *“На дне”* М. Горького; 24 декабря 1987 года состоялась премьера спектакля *“Три сестры”* А. П. Чехова. Спектакль *“Вишнёвый сад”* (первый показ в Москве 9 декабря 1988 года) стал лучшим сценическим воплощением гениальной пьесы А. П. Чехова, непревзойдённым по художественной силе, лирическому звучанию и поэтической ауре. В образе Раневской в этом спектакле воплотилась безграничная сила духовной мощности и способность искренней покоряющей любви. В *“Вишнёвом саде”* Дорониной предстояло решить задачи невероятной сложности. Она должна была сохранить очарование образа, созданного основоположниками, не *“поломать”* традицию и в то же время раскрыть чеховское творение, исходя из тех знаний о России и русской жизни, которые являет нам время. Как умный, глубокий мастер Доронина совершила чудо, создав образ русской женщины необычного обаяния и стойкости в своей неповторимости.

“Когда с Сергеем Владимировичем Данченко мы работали над ролью Раневской, — вспоминает Татьяна Васильевна, — мы пришли к общему мнению, что решающая черта в её характере — способность безоглядно, самозабвенно любить. И это стало определяющим в создании образа”.

Как художник-творец Доронина обладает редчайшим даром вычитывать из текста произведения самые сокровенные мысли писателя, проникать в святая святых его творческой фантазии, находить заветные *“ключики”* к характерам персонажей. Она улавливает, точно камертон, ту тональность музыки образа, которая и позволяет услышать *“оркестр”* пьесы в её истинном, чеховском, звучании, которым так восхищались в своё время К. С. Станиславский, назвавший *“Вишнёвый сад”* гениальной пьесой. Время доказало гениальность Чехова как художника, умевшего видеть будущее и воспринимать события окружающей жизни не сиюминутно, а в той протяжённости, которая откликается в веках. Вот почему постановки Чехова даются только крупным личностям, способным смотреть далеко вперёд, не погрязая в мелочах жизни. *“Вишнёвый сад”* С. Данченко — редкой красоты шедевр великолепного режиссёра. Спектакль прожил на сцене МХАТ им. М. Горького более 30 лет и был уничтожен в порыве мести варварами, захватившими театр в 2018 году. В бессильной злобе пришельцы старались уничтожить спектакли Т. В. Дорониной, как в своё время вандалы уничтожали античное искусство. Единственное, что великая русская актриса смогла противопоставить хаосу разрушения в знак протеста, — полное непризнание пришельцев. И они не смогли сломать ни воли её, ни достоинства, не смогли принудить её к признанию их деятельности.

Благословенные времена невероятной популярности киноактрисы Татьяны Дорониной относятся к 70–80-м годам XX века, когда все города и веси

Советского Союза славили блистательную народную актрису, Но, к сожалению, её уникальное театральное искусство, с каждой ролью возрастающее, было знакомо лишь сравнительно небольшому кругу зрителей и знатоков. И хотя критика чрезвычайно высоко оценивала мастерство актрисы и шедевры, созданные ею на театральной сцене, широкой зрительской аудитории они всё же не имели. Как и последующие работы Дорониной, созданные на подмостках в театре им. Маяковского, театре им. М. Н. Ермоловой, а также образы, созданные за 30 лет работы на сцене МХАТ им. М. Горького. А этих работ было много: Зоя Пельц в спектакле “Зойкина квартира” М. Булгакова, “Она” в постановке Р. Виктюка “Старая актриса на роль жены Достоевского” Э. Радзинского, Гурмыжская в “Лесе” и Кручинина в “Без вины виноватых” А. Островского, а также “Мадам Александра” Ануя в постановке Т. Дорониной одноимённой пьесы. И, конечно, образы М. Горького: Софья в постановке Морозова “Зыковы” и Васса Железнова в одноимённом спектакле, поставленном Борисом Щедриным.

Более того, почти с первого же спектакля, вдохнувшего жизнь в обновлённый МХАТ им. М. Горького, Доронина проявила себя самобытным режиссёром. За 30 лет работы она поставила около 30 спектаклей по произведениям русской и зарубежной классики, а также пьесам современных авторов, таких, например, как “Прощание в июне” А. Вампилова или прозвучавший как набат во время чрезвычайного положения в Москве осенью 1993 года спектакль “Мы идём смотреть “Чапаева” О. Данилова.

Через 10 лет, прошедших со дня начала самостоятельной работы театра под её руководством, репертуар состоял уже из 49 названий спектаклей, в основе которых лежала высокохудожественная литература русских и зарубежных авторов.

Т. В. Доронина-режиссёр первой вывела на театральную сцену ряд произведений великолепного русского писателя, без литературных текстов которого невозможно составить полную картину русской жизни начала XX века.

“Михаил Булгаков и МХАТ. В какой мере М. А. Булгаков является мхатовским автором? – задавалась Доронина вопросом и отвечала: – Основополагающим! Потому что это драматург, имя которого по праву встало на афише МХАТа после А. П. Чехова – великого автора великого театра. И это не только в силу крупности таланта М. А. Булгакова... Только произнесите имена: Хмельёв, Добронравов, Яншин, Соколова, они безусловны, и они сделали “Дни Турбиных” подлинно мхатовским спектаклем. Тот же успех ждал и спектакль “Кабала сстояш”, если бы он не был снят. Первая и главная обида М. Булгакова состояла в том, что МХАТ СССР не стал бороться за спектакль. С этого началась деградация гражданской позиции театра, ибо такая позиция и есть основа противостояния, которое подлинное искусство ведёт с политиканством. В соответствии с законами искусства, люди, отдавшие ему себя, обязаны защищать искусство драматурга, искусство актёра и режиссёра. Не состоялась тогда во МХАТе и постановка “Бега”, и это был второй компромисс, на который пошёл театр.

Появление на нашей афише пьес удивительного русского драматурга – не только преклонение перед именем М. А. Булгакова. Это и дань справедливости и, может быть, шаг к возрождению истинных мхатовских традиций, этики, культуры”.

По большому счёту, её вклад в мировое искусство не оценён по достоинству, и будущему ещё предстоит насладиться её художественными открытиями. Самоотверженность её в служении русскому театру – необозрима. Убеждённость в правоте своей позиции – неистребима. Её нравственный образ русской актрисы, умевшей безупречно служить наивысшим, жизненно важным интересам русской национальной культуры, – безупречен. Каждое творение Татьяны Дорониной – драгоценная жемчужина, будь то роль или созданный ею спектакль, – бесценное национальное достояние.

Наверное, каждый, читая эти строки, задумается, каким же должен быть человек, покоривший такую высоту в искусстве?

Обратимся к её театральным работам, связанным с литературным наследием М. А. Булгакова. Все тексты постановок, перенесённые на сцену, звучат обжигающе, реальность русской трагической судьбы, осмысленная и пропущенная через сердце крупного художника, открывает зрителю не только горькую правду истории, но и суть современности со всей беспощадностью

истины. Спектакль “Белая гвардия” в постановке Дорониной увидел свет рампы в 1988 году. Он стал одной из ярчайших творческих побед, совершённых в самое глухое время истории России. Своё художественное кредо в это время Доронина формулирует так: *“Я вижу задачу искусства в том, чтобы высвободить божеское в человеке, напомнить, что живёт в нём добро, вне зависимости от политических пристрастий, потому что всё разумное сейчас должно работать на объединение народа”*.

Весомым пополнением “Булгакианы” Дорониной стал на сцене МХАТ им. М Горького выдающийся спектакль Валерия Беляковича “Мастер и Маргарита”, лучшее художественное воплощение гениального романа из осуществлённых в кино и на сценических площадках России. Творческий союз Татьяны Дорониной с этим блистательным режиссёром сложился счастливо, с годами превратившись в великолепный творческий тандем, неизменно обогащавший и украшавший афишу МХАТ им. М. Горького. Гений Беляковича подарил сцене МХАТ им. М. Горького выдающиеся спектакли, ставшие явлением мировой культуры, — “На дне” М. Горького, “Козьма Минин- Сухорук” А. Н. Островского, “Мастер и Маргарита” М. Булгакова, “Гамлет” Уильяма Шекспира!

Все тридцать лет, которые Татьяна Васильевна Доронина руководила МХАТом им. М. Горького, она, опираясь на этику и традиции театра, созданного К. С. Станиславским и его сподвижниками, создавала коллектив, который в результате явил мастеров, обладающих культурой и убеждениями созидателей и продолжателей завоеваний лучших достижений русской театральной школы, а это значит — искусства одухотворённого, обращённого к “жизни человеческого духа”. Внутренний климат театра при мудром руководстве Дорониной опирался на каноны православной этики. Однажды народная артистка СССР Ирина Константиновна Скобцева, посетив театр Дорониной, сказала: “Мы живём в страшное время распада, но ей удалось сохранить жизнь коллектива театра в жизнеутверждающей атмосфере творчества, оберечь от тлена и распада, в русле которого оказалась почти вся мировая культура в конце XX века”.

Непревзойдённая королева театра, Татьяна Доронина выстраивала стиль жизни своего “королевства” — любовью, с заботой относилась к молодым сложившимся в театре супружеским парам, многие дети которых становились её крестниками.

Этот благословенный мир Художественного театра, создаваемый десятилетиями напряжённой созидательной жизни, 4 декабря 2018 года рухнул было под натиском ненавистников русской культуры.

XXI век вновь выдвинул на повестку дня вопрос о жизни и смерти искусства мхатовского мастерства, в конце XIX века оплодотворившего мир идеей совершенствования природы человека благотворным дыханием реалистического театра. Начало третьего тысячелетия ознаменовано в мире разнуждавшейся русофобией, внедрением искусственного интеллекта как “движущей силы” общественной жизни. Радетели искусственного интеллекта отвергают саму идею совершенствования человека. Действительно!

Совершенный или не совершенный человек — не всё ли равно, когда всё заменит искусственный интеллект! Зачем же театр духовной жизни? Мир обойдётся и без него! Бесчеловечная точка зрения!

Наступило время, когда во главу угла культурной государственной политики России должен быть поставлен вопрос: **БыТЬ** или **НЕ БыТЬ** суверенному, отстаивающему свои национальные интересы в противовес миру хаоса и растления Российскому суверенному государству?

История борьбы за русский реалистический театр Татьяны Дорониной волею ненавистников России — новоявленных вандалов и варваров — в начале третьего тысячелетия выведена на новый виток сопротивления.

И на Доронину пала миссия вновь отстоять русский реалистический театр, а значит, борьба за восстановление созидательной жизни русского реалистического искусства. Она выиграет эту борьбу. Потому что она — Татьяна Доронина, символ могучей русской талантливости, торжества духа непокорённой России. Россия без национального театра — не Россия. У России есть свой голос, и он заявляет: распаду — *не бывать!*